

В СТУДИИ ВЛАДИ

В Нью Йорке в настоящее время находится Влади, большой и своеобразный русский художник, постоянно проживающий в Мексике. Влади — сын Виктора Сержа, крупного журналиста и писателя. Влади теперь стипендиат Гугенхаймовского фонда.

Я посетил студию Влади возле Гренич Виллэдж и видел далеко не все его работы, а лишь часть их. Но и то, что видел дает мне основания для заключения, что Влади достойный преемник Филонова, Челищева, Габричевского.

Правда, Влади и по форме и по мысли не такой, как они. Он слишком самостоятелен и слишком дерзновенен, когда переплавляет в нечто новое и оригинальное три традиции: русскую, мексиканскую, французскую. У Влади есть работы, в которых чувствуется влияние настенной живописи и рельефных и скульптурных изображений древних майя и ацтеков. Но архаичное путем волшебных превращений становится в творчестве художника современным и в то же время захватывает смелостью.

Влади — неутомимый цветоискатель. У него встречаются работы, отличающиеся благородной сдержанностью красок, и есть работы, где художник, если перефразировать Саврасова, «так гонит на холст и бумагу солнце, звезды, луну, что глаз слепнет от нестерпимо яркого света».

Однако, в обоих контрастных случаях — и в сдержанных, пронизанных чувством меры сочетаниях красок, и в вулканических извержениях цвета и цветовых оттенков — Влади остается самим собой, сохраняет свое лицо. Вот такие контрасты и выявляют, на мой взгляд, глубинные, характерно русские истоки творчества Влади. Художник широк характерно русской широтой. Он обладает редкой способностью претворять слуховые впечатления в зрительные, благодаря чему отрывки услышанных музыкальных мелодий, — будь то классическая симфония, соната, исполненная большим пианистом, мелодии марьялес, мексиканских инструментов, или музыка джаза, совсем недавно услышанная в США, приобретают в его творчестве графическое или живописное воплощение.

В лучших же работах, замыслах, чаяниях Влади музыкант превращается в психолога и мыслителя. Вот эскиз, построенный на сочетании черного, белого, красного. Всмотриваясь в него, чувствуешь, что пред твоими глаза-

ми революционная соната, где интернационал переходит в траурный марш и белые решетки кладбищенской ограды. Впечатление необыкновенно сильное, захватывающее.

Влади как бы взвешивает романтику и патетику революционной борьбы с революционным террором, насилием, произволом. Это пока что только эскиз, но из него может вырасти картина, достойная большого музея или серьезного частного собрания.

У Влади кстати есть работы, которые находятся в лучших музеях и частных собраниях Мексики и Южной Америки. Он показывал мне большую одноцветную фотографию с его работы «Троцкизм» отметив, что она принята в музей модернистского искусства Мехико Сити.

Работа эта, даже, если судить о ней только по рисунку и композиции, поражает смелостью и беспристрастностью мысли. Тут сказывается то, что Влади — не только сын автора романа «Дело Тулаева», но и в какой то мере единомышленник своего отца.

У Влади немало работ, где художник обращается к эротической тематике. И тут дала себя знать русская культура Влади. Многие его работы в этом направлении кажутся как бы созданными под обаянием стихотворения Пушкина «Нет, я не дорожу мятежным наслаждением». Я изложил первые впечатления от посещения студии Влади. Работы же его заслуживают того, чтоб их подолгу и внимательно рассматривать и изучать.

ИРС 24.10.68 Вяч. Завалишин